

7. **Croquette B.** *Pascal et Montaigne. Étude des réminiscences les «Essais» dans l'œuvre de Pascal.* — Genève, 1974.
8. **Descotes D.** *L'argumentation chez Pascal.* — Paris: PUF, 1993.
9. **Pascal B.** *Cinquième écrit des curés de Paris* // Pascal B. *Œuvres complètes* — Paris: Seuil, 1988, pp. 480—483.
10. **Pascal B.** *De l'art de persuader* // Pascal B. *Œuvres...*, 1988, pp. 355—359.
11. **Pascal B.** *De l'esprit géométrique* // Pascal B. *Œuvres...*, 1988, pp. 348—355.
12. **Pascal B.** *Fragment d'une lettre* // Pascal B. *Œuvres...*, 1988, p. 281.
13. **Pascal B.** *Les Provinciales* // Pascal B. *Œuvres...*, 1988, pp. 371—470
14. **Pascal B.** *Préface. Sur le Traité du vide* // Pascal B. *Œuvres...*, 1988, pp. 230—233.
15. **Pascal B.** *Sixième écrit des curés de Paris* // Pascal B. *Œuvres...*, 1988, pp. 487—492.

Пролев С. (Киев)

ПОДЧИНЕНИЕ И ВЛАСТЬ РАЗУМА: ПАРАФРАЗ ПАСКАЛЯ

Название данной статьи прямо воспроизводит заголовок XI-й статьи *Мыслей* Паскаля по версии С. Долгова. Но свое рассуждение я начну не с анализа идей этого произведения, а с более общей экспозиции проблемы, которая задаст теоретический контекст для восприятия позиции Паскаля относительно роли разума и власти рациональности.

Разум есть вид силы, господство которой новоевропейская культура полагает неоспоримым благом и преимуществом того, что она устами своих социальных пророков назвала «цивилизованным состоянием человечества». Очевидно, что наша современность сохраняет по существу такое же отношение к разуму и его власти. Данное утверждение может показаться вопиющим в свете почти двухсотлетнего (если начинать исчисление с романтиков) покушения на притязания рациональности, которое в известные периоды или в некоторых стилях мышления превращалось во всеобщую интеллектуальную моду. Однако ни ницшевская «переоценка всех ценностей», ни апелляция к феноменам «жизни» или «бессознательного» в начале уходящего века, ни иные — весьма многочисленные — версии преодоления тотального господства разума, включая и вызов постмодерна, принципиально не изменили положения. Все институциональные формы современной культуры были и продолжают оставаться воплощениями идеи власти разума и рациональности. Что, конечно, вовсе не означает, будто все они разумны или хотя бы здравы.

Рациональное мышление как господство

В своей статье я хочу рассмотреть разум, или рациональность, как вид власти. В таком взгляде, с одной стороны, нет ничего но-

вого, поскольку само выражение «власть разума» является одним из самых привычных и расхожих для сознания современного человека. Но в то же время, разум утверждает свое господство, тщательно избегая маркировать его как вид власти. Более того: господство разума подчеркнуто противопоставляет себя всякому произволу. В нем, как будто, осуществляет свою власть не воля лица, а объективная природа вещей. Дать власть разуму — значит дать власть самим вещам. Данное утверждение кажется всего лишь очевидностью, характеризующей природу разума. Но на деле оказывается той отнюдь не безусловной посылкой, с которой разум начинает свою власть, которой он ее легитимирует и постоянно подтверждает.

Воистину и полно властвует тот, кто властвует незаметно. Ибо только тогда не возникает (и даже не может возникнуть) никакого сопротивления господству. Именно этим объясняется исключительный эффект очевидностей как форм духовной власти. Идея только тогда вполне овладевает сознанием, когда становится для него чем-то самоочевидным. В полной мере это приложимо к отождествлению власти разума с действиями, отвечающими подлинной сути самих вещей. Поэтому такое отождествление можно назвать *фундаментальной очевидностью рациональности*, из которой власть разума черпает свою легитимирующую силу.

Несомненно, что данная очевидность вошла в плоть и кровь современной культуры. Она до такой степени пронизывает тело множества культурных практик и дискурсов, что ее уже невозможно отсепарировать из их состава, не разрушив непоправимо сами эти практики и дискурсы. Этот безотчетный инстинкт самосохранения лежит в основе отторжения любых посяганий на рациональность, из каких бы источников последние ни возникали. Я же хочу поставить данную очевидность под знак вопроса. Именно функцию проблематизации очевидности и выполняет понятие «власть разума», или «рациональность, рассмотренная как господство». Выделяя этот сюжет, мы тематизируем проблему особого вида господства, который воплощает в себе рациональное мышление. И если разум с легкостью осуществляет редукцию какой бы то ни было действительности к содержаниям сознания, то почему относительно самого мышления не может быть произведена редукция иного рода, представляющая его в качестве сугубо волюнтаристического феномена?

Исток фундаментальной очевидности *ratio*

Анализ разума как господства может быть осуществлен различным образом. В своей версии я предлагаю обратиться к истоку становления фундаментальной очевидности «рацио» в новоевропейской метафизике. Ибо если философия и занимается каким-то конструктивным делом в культуре, таковым является открытие

новых очевидностей, приобретающих универсальный характер.

Исток фундаментальной очевидности *ratio* демонстрирует нам одну из важнейших истин истории: линия развития никогда не бывает единственной. Если возникает и набирает силу некий принцип, то неизбежно появление оппонирований ему. Иногда оппонирование движимо протестом того уходящего, чему приходит на смену новый принцип; иногда — стремлением его радикализировать и развить дальше. Но наиболее интересен случай, когда оппонирование, собственно, не является оппонированием — т.е. движимо не силой отрицания, а является позитивным выражением иной возможности развития или понимания. То есть манифестацией иного, независимо выработанного и сформировавшегося принципа. Возможно — подчеркну это слово — *возможно*, именно такую ситуацию мы имеем в начале эпохи Нового времени, когда в трудах основоположника новоевропейской рациональности Декарта фундаментальная очевидность *ratio* получает свое обоснование. Рядом с фигурой Декарта стоит фигура другого мыслителя — Паскаля — который воплощает в себе несомненную альтернативу классическому новоевропейскому рационализму.

Как известно, отправным пунктом новой европейской рациональности стало знаменитое радикальное (или «методическое», как называет его Гуссерль) сомнение Декарта, посредством которого была установлена или подтверждена безусловная достоверность его, что запечатлела известная формула его *cogito ergo sum*. Она же стала символом фундаментальной очевидности *ratio* для всей последующей философской традиции. Сила воздействия данного метафизического тезиса столь велика, что невольно заслоняет удивительную лаконичность и безыскусность рассуждения, которое к нему привело. Вспомним его логику, которая одновременно фиксирует процесс конституирования власти разума.

Конституирование власти разума: первые три компонента

Последовательность шагов, конструирующих власть разума и превращающих рациональное мышление в господство можно представить следующим образом.

Во-первых, всякий человеческий опыт, всякое приобретение жизни и сознания объявляется сомнительным и недостоверным настолько, насколько не является продуктом действия всецело разумного существа, т. е. не подтвержден рациональным мышлением. «Так как мы появляемся на свет младенцами и выносим различные суждения о чувственных вещах прежде, чем полностью овладеваем своим разумом, — начинает Декарт свои *Первоначала философии*, — нас отвлекает от истинного познания множество предассудков; очевидно, мы можем избавиться от них лишь в том

случае, если хоть раз в жизни постараясь *усомниться* во всех тех вещах, в отношении достоверности которых мы питаем хотя бы малейшее подозрение» [1, с. 314]. Основоположник новоевропейского рационализма отправляется в своем рассуждении от генетического начала человека, от момента его рождения. Он справедливо констатирует первичность чувственного опыта, однако тут же маркирует его как бесспорно недостоверный: «нас отвлекает от истинного познания множество предрассудков».

Предполагается, что истиной мы можем владеть лишь как всецело разумные существа, т.е. «овладевшие своим разумом». Приобретение же качества разумности — или рациональности — достигается посредством самообоснования разума. Первый шаг этой работы состоит в самоочищении разума от всех возможных недостоверностей, источником которых является некритическое усвоение сознанием опыта жизни и представлений. Мы избавляемся от них путем сомнения, которое, вследствие этого, оказывается первой действующей и созидающей силой рациональности. Декарт предлагает усомниться во всем. Сомнение же есть процедура, принадлежащая самой способности мышления. Полагая эту процедуру универсальной, мы придаем разуму статус и компетенцию всеобщего судии. Все сущее, и в том числе всякое человеческое достойные обязаны явиться на суд разума и оправдаться перед ним. Назовем этот первый шаг — *установлением универсальной юрисдикции разума*.

Вторым шагом является редукция всего, что может быть представлено сомнительным (не важно при этом, насколько оправдано само сомнение), к ложному. Второй параграф *Первоначал* гласит: «Более того, полезно даже считать вещи, в коих мы сомневаемся, ложными, дабы тем яснее определить то, что наиболее достоверно и доступно познанию» [1, с. 314]. То есть все, неистинность чего еще отнюдь не доказана, объявляется таковым лишь на том основании, что разум не подтвердил обратного. Все оказывается повинным в неистинности, и снять эту печать вины с того или иного познания, представления или действия, может лишь вердикт разума. Назовем этот второй шаг — *презумпцией недействительности всего, неподтвержденного разумом*. Благодаря ей разум превращается в высшую разрешительную инстанцию, лишь с санкции которой то или иное сущее может быть признано.

Третий шаг состоит в разграничении полномочий разума и жизненной практики. «Сомнение должно быть ограничено лишь областью созерцания истины, — постулирует Декарт. — Ибо что касается жизненной практики, то, поскольку зачастую мы должны действовать прежде, чем избавиться от сомнений, мы нередко бываем вынуждены усвоить то, что является всего лишь правдоподобным» [1, с. 314]. «Быть истинным» и «существовать» — разные вещи.

Поэтому, притязая на полноту обладания истиной, что как будто соответствует его природе, разум предусмотрительно отказывается от распорядительной роли в сфере жизненной практики, четко ограничивая тем самым пределы своей компетенции. Он берет на себя роль всеобщего судии *познаний*; всего *сознаваемого*, мыслимого, а не сущего. Это притязание выглядит уместным и бесспорным. Оно устраняет возможные протесты, внушает уважение к корректности рационального мышления и вызывает согласие с ролью, которую оно отвело себе. Здесь мы видим один из важнейших моментов конституирования власти, состоящий в том, чтобы вызвать доверие к себе, заставив людей согласиться — вполне добровольно — с теми полномочиями, которые себе испрашивает властвующий. Назовем этот шаг *демаркацией сферы компетенции разума*.

Но как будто четко выделив и ограничив сферу своей компетенции, строго очертив ее пределами чисто интеллектуальной деятельности, разум — утвердившись в этих полномочиях — их незамедлительно расширяет, раздвигая границы своего господства. Это совершается посредством четвертого и пятого шага конституирования власти разума.

Четвертый и пятый компоненты господства разума

Четвертый шаг представлен знаменитым декартовским метафизическим тезисом *ego cogito ergo sum*. В нем разуму придается статус онтологического критерия: только мысля, мы удостоверяем бытие. «Положение *Я мыслю, следовательно, я существую* — первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования» [1, с. 316] — заключает Декарт в 7-м параграфе *Первоначал*. Только мышление обладает привилегией удостоверить нас в качестве существующих, имеющих бытие. Сделав уступку жизненной практике, разум затем объявляет, фактически, недействительным все то в этой практике, что не исходит из рационально установленных очевидностей. Ведь все иное не может притязать на статус бытия, а значит — быть принятым в качестве действительно существующего. Назовем этот шаг *неявной редукцией бытия к сознанию, или принципом тождества мышления и бытия*.

Наконец, редуцировав все онтологические феномены к феноменам сознания, разум осуществляет редукцию к самому себе всех сил и деятельных способностей человека. Эта редукция составляет *пятый, завершающий шаг* конституирования власти разума. Он представлен в 9 параграфе Декартовых *Первоначал философии* с недвусмысленным названием «Что такое мышление» (*cogito*). Декарт определяет: «Под словом “мышление” [*cogito*] я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем. Таким образом, не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что мыслить» [1,

с. 316]. Таким образом, все силы и способности человека редуцируются к мыслительной способности, *cogito*. Которое отныне становится синонимом *отношения вообще*, осуществляемого человеком. И если при этом не подразумевается, что, например, ходить и мыслить есть натурально одно и то же, то несомненно, что лишь сознательность ходьбы делает ее осмысленной, действительной ходьбой. Мышление не натурально тождественно всем актам, а присутствует в них как момент рефлексии и лишь на этой основе может редуцировать их всех к рациональному образу.

Декарт метафизически утвердил господство разума, превратив это господство в самоочевидность. Выделенные пять шагов конституирования власти разума суть одновременно пять условий его господства, обеспечиваемого фундаментальной очевидностью *ratio*. В свете этой очевидности не только разум стал распорядителем сущего, но вместе с тем человеческое бытие приобрело вид самоопределения самосознающего субъекта.

Исходная и конечная достоверности разума

Отметим, свой метафизический тезис Декарт обозначает как «первичное» положение — то, с которого обязан начинать разум, осознавший самое себя и преодолевший младенческое состояние плененности предрассудками и неререфлектируемым чувственным опытом. От этой очевидности — назовем ее *исходной* очевидностью разума — отправляются все последующие рассуждения Декарта. На почве ее вырастает философская система основоположника новоевропейского рационализма, а затем — и вся новоевропейская метафизика самосознающего субъекта, определяющая облик философии модерна.

В отличие от Декарта, Паскаль конституирует совершенно иную очевидность, отправляясь не от первого, исходного, а от *последнего*, завершающего вывода разума. В *Мыслях* он пишет: «Последним выводом разума должно быть признание, что существует бесчисленное множество вещей, его превосходящих. Слаб тот разум, который не доходит до этого сознания» [3, с. 152 (фр. 267 здесь и далее нумерация фрагментов по версии Л. Брюнсвика)]. Что из этого следует? Паскаль четко определяет: «Нужно где следует сомневаться, где следует утверждать и где следует подчиняться. Кто не поступает так, тот не знает *силы разума*» [там же]. Завершающие эту фразу слова «сила разума» я хочу подчеркнуть. Паскаль противопоставит новоевропейскому рационализму отнюдь не с позиций иррационализма, каким его привычно представляют. Он ставит под вопрос всевластие разума с позиции мощи разума. И если Декарт видел детство разума в недостаточной рефлексивности человеческого опыта и познаний, то Паскаль усматривает детскую болезнь и слабость разума как раз в представлении о его всемогуществе.

Деструкция *всевластия* разума с позиции его *силы*

Отличие Паскаля от Декарта тем более примечательно, и я бы даже сказал *замечательно*, что у него мы находим почти буквальное повторение некоторых тезисов, выделенных выше как элементы конституирования фундаментальной очевидности *рацио*, а тем самым — рационального мышления как господства. Вот рассуждение, отчетливо кореллирующее с исходным утверждением Декартовых *Первоначал*: «Жизнь человека, — пишет Паскаль — ничтожно коротка. Обычно ее начинают отсчитывать с первой же минуты появления на свет, но я склонен вести отсчет с момента рождения разума, — с того самого мгновения, когда разум становится движущей силой наших поступков» [4, с. 32]. Сочинение, откуда взята эта цитата, имеет примечательное название — *Рассуждение о страстях любви*. А начинается оно словами, которые естественно приписать Декарту и которые могут показаться неожиданными у Паскаля: «Человек рождается затем, чтобы мыслить, — так что нет мгновения, когда бы он не предавался этому занятию» [4, с. 31]. И если Декарт редуцировал к *cogito* воображение, хотение и даже чувственность, то у Паскаля находим не менее красноречивое утверждение подобного тезиса: «По мере обретения большего ума, возрастают и страсти, ибо они *суть лишь чувства и мысли, принадлежащие исключительно уму, хотя бы их причиной и было тело*; [курсив мой — С.П.] очевидно, что они не представляют собой что-либо отличное от ума как такового, и, следовательно, пронизывают любую его способность» [4, с. 32].

Что же различает, тем не менее, двух великих мыслителей, стоящих у истоков новоевропейской метафизики и символизирующих две различные линии ее развития — одну, которая восторжествовала, и вторую, которая осталась нереализованным проектом, хотя отнюдь не была забыта и утрачена. Ясно, что данное различие нельзя искать на почве противопоставления идее рациональности идею иррациональности, связывая первую с именем Декарта, а вторую — с творчеством Паскаля. Признание силы и значимости разума составляет несомненную черту паскалевской философии. Под вопрос им ставится лишь *всевластие* разума, его безусловное и неоспоримое господство. Силу разума он противопоставляет его притязаниям на господство. Отрицая последнее, он утверждает первое. Сила же разума зиждется на его сообразовании с иными, отличными от него по природе, но не менее действительными для человеческого бытия началами.

Гомогенная и амбивалентная природы человека

Человек Декарта гомогенен. Это — его, конституирующееся и приобретающее бытие как самосознающий субъект. Именно в виде самосознающего субъекта человек будет существовать в интеллек-

туальном пространстве всей новоевропейской метафизики, которая так никогда и не выйдет за пределы этого излюбленного ею персонажа. Напротив, человек Паскаля, по меньшей мере, амбивалентен. И если *Рассуждение о страстях любви* начинается им с процитированной фразы о призвании человека к мышлению, то в том же трактате утверждается нечто подобное о совсем ином начале человеческого бытия, а именно любви. «Тщетно отрицать, — пишет Паскаль, — что человек любит всегда. Даже в вещах, не имеющих, казалось бы, ничего общего с любовью, она присутствует тайно, сокровенным образом, и невозможно человеку прожить хотя бы единый миг без любви» [4, с. 34]. Тезис о том, что «нет мгновения, когда бы человек не мыслил» соседствует с утверждением «невозможно человеку прожить хотя бы единый миг без любви».

Страсть и разум для Паскаля — равновеликие начала человеческого бытия. И, что важно подчеркнуть, хоть и различные, но отнюдь не взаимоисключающие. И если они нередко противостоят друг другу, то по природе своей — дополняют друг друга. «Ясность ума, — утверждает Паскаль нечто непривычное для нас, — порождает ясность страсти» [4, с. 33]. И далее: «Любовь наделяет умом и умом держится, поскольку для того, чтобы любить, надлежит направлять ум [должным образом]» [4, с. 36]. И если Декарт написал *Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках*, то от Паскаля можно было бы ожидать трактата *Рассуждение, чтобы верно направлять свой разум, любить и быть любимым*. Паскалевский человек амбивалентен. Он состоит из ума и страсти как двух важнейших начал человеческого бытия, ни одно из которых не может безусловно и неограниченно господствовать над личностью.

Как же человек может быть разумен, отказываясь вместе с тем от всевластия разума? Ответ Паскаля на этот вопрос вновь обращает нас к тому, что выше было названо *конечной* очевидностью разума, противостоящей его *исходной* очевидности, которую делает базовой для своей философии основоположник новоевропейского рационализма.

Столкновение двух рациональностей

У Декарта, в «Предисловии» к *Первоначалам философии* развенчиваются обычные, традиционные способы познания, которые способны привести лишь к «обычному и несовершенному знанию». Так же, как и у Бэкона, мы видим здесь признаки («идолов») предразумного знания — т.е. ту власть предрассудков, которую необходимо сокрушить для обретения истинных познаний. К фигуре пред-рассудочных идолов мы привыкли, они стали хрестоматийными. И столь же самоочевидным представляется, что очищенное от них мышление, ставшее на почву строгой рефлексии

и неукоснительной власти разума, будет отныне источником одних только истин. Однако Паскаль разрушает эту очевидность. Он, выделяет три дефекта самого разума, определяя их так: «Есть люди, грешащие против этих трех правил: они или считают все не требующим доказательств, потому что не умеют доказывать, или во всем сомневаются, в чем бы следовало подчиняться, или, наконец, подчиняются во всем, не зная, где следует обратиться к рас судку» [3, с. 152 (фр. 268)].

Сила разумности оказывается равна способности соблюдать меру: подчинять разум иным началам там, где это необходимо, прибегать к нему там, где это требуется. Разум находит свое место в балансе иных духовных и жизненных сил человека. Этот — паскалевский — взгляд на разум, оказался слишком здрав и умерен, чтобы определить лицо эпохи. Ему не хватило резкости, радикальности и истовой одержимости декартовского принципа, последовательно развиваемого и ставшего духом обширной философской и научной системы. Масштаб творений Декарта и Паскаля, несомненно, различен. Но хотя именно Декарту суждено было стать родоначальником новоевропейской метафизики, мы — находясь в контексте философских поисков конца XX века — признаем паскалевскую трактовку роли разума более современной, полнее отвечающей духу нынешнего времени и его запросам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. *Первоначала философии* // Декарт Р. *Сочинения*: в 2-х тт. — М.: Мысль, Т.1., 1989.
2. Декарт Р. *Рассуждение о методе* // Там же.
3. Паскаль Б. *Мысли*. — М.: REFL-book, 1994.
4. Паскаль Б. *Рассуждение о страстях любви* // Паскаль Б. *Трактаты. По лемические сочинения. Письма*. — К.: Port-Royal, 1997.

Куцепал С. (Полтава)

ПАСКАЛЬ: «UNE TRACE/LA TRACE» В КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПОСТМОДЕРНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*«Le coeur a ses raisons que la raison
ne connaît pas»*

Pascal

Французский философ и учёный Блез Паскаль был личностью яркой и незаурядной, в его научном творчестве отразились сложные и многогранные отношения между методологией, основанной на передовых достижениях естествознания, и религиозными догматами. Именно этими отношениями определяется вера Паскаля